

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ

Наталья Евгеньевна Тихонова¹

Илья Васильевич Дудин²

^{1, 2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID [0000-0002-5826-4418](https://orcid.org/0000-0002-5826-4418)

² dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958)

Для цитирования: Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1). EDN [HGVOFG](https://edn.org/HGVOFG).

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2005–2022 гг. продемонстрированы особенности восприятия представителями массовых слоёв населения страны наиболее острых противоречий российского социума; выявлены факторы, определяющие это восприятие. Рассмотрена динамика отношения россиян к ключевым социальным противоречиям, обсуждаемым в соответствующем научном дискурсе. Показано, что острее всего среди представителей массовых слоёв весь рассматриваемый период воспринимались противоречия между богатыми и бедными, а также властью и народом. Государственных чиновников россияне в основном рассматривали при этом как мешающую успешному развитию страны группу, хотя такое их восприятие сильно зависело от места жительства респондентов. К противоречию между включением России в процессы глобализации по предлагаемой Западом модели и ориентацией на сохранение самобытности и самостоятельности страны россияне относились обычно довольно индифферентно, хотя «всплески» обострений отношений с Западом вызывали рост значимости данного противоречия в общественном сознании. Факторы восприятия противоречий российского социума населением имеют как объективный, так и субъективный характер. Среди первых наиболее важным является социальное и материальное благополучие в различных их формах, а среди вторых – чувство несправедливости происходящего и субъективное материальное неблагополучие. Переосмысление в последние годы места страны в геополитическом пространстве приводит к росту консолидации массовых слоёв, «пики» которой приходятся на периоды усиления конфронтации с Западом. Эта тенденция действует даже

несмотря на падение с середины 2010-х гг. уровня реальных доходов населения, однако она не снижает остроты противостояния, в сознании населения, массовых слоёв общества, с одной стороны, и его экономической и политической «верхушки», с другой.

Ключевые слова: социальные противоречия, консолидация общества, массовое сознание, межгрупповые конфликты, социальная напряжённость

Введение

В условиях нарастающей конфронтации нашей страны с коллективным Западом особую актуальность приобретает вопрос об основных противоречиях российского общества. С одной стороны, само по себе их наличие ничего драматического в себе не несёт, поскольку именно они обуславливают развитие любого социума. Однако, с другой стороны, далеко не все противоречия могут быть разрешены в желательных для самого общества формах. Более того – доходя до своей острой фазы, они неизбежно дестабилизируют общество, препятствуют его консолидации, особенно значимой в периоды обострения внешних угроз.

В то же время далеко не все противоречия представляют одинаковую опасность для консолидированности социума. Это связано как с их разной объективной остротой, так и, главное, со степенью отрефлексированности их в общественном сознании и болезненностью их восприятия. Вот почему предметом нашего исследования стало именно восприятие основных противоречий современного российского общества в массовом сознании, включая специфику этого восприятия в отдельных социальных группах¹.

Характеристика основных противоречий современных обществ в литературе и эмпирическая база исследования

Список посвящённой основным противоречиям современного мира литературы практически бесконечен. Поэтому ниже, при характеристике того, какие именно противоречия заслуживают рассмотрения применительно к анализу российского социума, мы отметим только те работы, которые оказали прямое влияние на выработку нашей методологии и интерпретацию полученных в ходе проведённого анализа результатов.

Говоря о современном этапе развития мира в целом, в качестве основного противоречия, определяющего его развитие, зарубежные авторы называют обычно диссонанс между процессом глобализации общественной жизни и идущей на всех уровнях (от отдельных индивидов до союзов стран) борьбой за сохранение их суверенности / права на само-

¹ Восприятие социальных противоречий в элитных и субэлитных слоях населения – особая тема, которая должна выступать предметом самостоятельного анализа.

бытность. Однако при этом каждый из них делает акцент на определённой стороне этого расхождения. Так, М. Кастельс противопоставляет обезличенный универсальный мир (Сеть) имеющим свою уникальность отдельным субъектам (локальным, этническим и т. п. сообществам и даже конкретным людям) [1]. И. Валлерстайн утверждает, что суть конфликтов между глобальной миросистемой и отдельными её элементами заключается не в борьбе за право на сохранение в её рамках своей самобытности, как считает М. Кастельс, а в борьбе за устранение в ней дискриминации [2]. В развитие этой идеи Э. и П. Даль Бё говорят о том, что основным противоречием в глобализирующемся мире является борьба за правила, регулирующие производство, перераспределение и присвоение материальных и нематериальных благ, которая может проявляться даже в виде роста преступности или в гражданской войне [3]. Достаточно самобытной на общем фоне выглядит концепция У. Бека; он видит основной антагонизм современной эпохи в противостоянии стран, распределяющих богатства, и стран, распределяющих риски [4].

Многие авторы сосредотачивают своё внимание на противоречиях, связанных с растущей ролью культуры в условиях глобализации. Так, С. Хантингтон говорит о том, что именно между обществами с разными культурами, а не между странами, будут вестись войны в глобальном мире [5]. Р. Инглхарт и К. Вельцель сосредотачивают своё внимание на противоречиях в развитии самих нормативно-ценностных систем в ходе перехода к глобальному обществу. Они утверждают, что основным элементом личности формирующихся в ходе этого процесса обществ является стремление к возможности свободного самовыражения, личной независимости. С возрастанием их важности усиливается и желание людей бороться за свои права против государственного аппарата [6], что, в свою очередь, превращает противоречие между ними в одно из важнейших для современных обществ.

Среди других разновидностей характерных для современных обществ противоречий зарубежными авторами называются обычно расхождения между разными социальными общностями (национальными, поколенческими, гендерными и т. д.), между разными элитными группами, а также идеологические и иные. В их числе, например, противоречия, связанные с конфликтами интересов в сфере трудовой деятельности. Это и столкновения из-за потери рабочих мест в ходе автоматизации [1, с. 158–160], и споры на почве заработной платы [2, с. 180–181], и противоречия между интересами работников и работодателей в ходе усугубляющегося процесса прекаризации занятости [7], и конфликт поколений, когда «слабые» на рынке труда возрастные группы (молодёжь и пожилые) оказываются в ситуации жёсткой конкуренции между собой, а средние поколения принимают на себя повышенную трудовую и экономическую нагрузку. Конфликты на этой почве, подрывающие общественную солидарность, М. Кастельс называет «войнами поколений» («age wars») [1, с. 412–413].

Большинство всех этих общих для современного мира в целом противоречий имеют единую причину – желание противоборствующих сторон улучшить или сохранить своё положение в ходе переживаемых сейчас миром глобальных трансформаций. Не случайно граждане стран с большей долей домохозяйств со средним доходом, а также более высокими показателями ВВП на душу населения и Индекса человеческого развития реже говорят о наличии в их обществах острых социальных коллизий [8]. Однако есть и противоречия, имеющие не экономический, а социокультурный характер (между сторонниками разных религиозных конфессий, различных идеологических взглядов, представителями тех или иных культурных традиций и т. д.), которые далеко не всегда подчиняются этим закономерностям.

Проблематика противоречий обществ современного типа широко представлена и в отечественной науке. При этом одни авторы при рассмотрении типичных для мира в целом противоречий сосредотачиваются в основном на тех, что носят базовый, системный характер [9; 10 и др.], а другие концентрируются преимущественно на противоречиях более частного порядка. Так, например, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов продолжают начатое ещё Г. Стэндингом обсуждение проблематики роли в современном мире процесса прекаризации [11]. В. Г. Морогин фокусируется на нормативно-ценностном аспекте соответствующей проблематики [12]. Широко распространён и анализ противостояния России и «коллективного Запада», в ходе которого страны Запада пытаются использовать в своих интересах процесс глобализации [13; 14 и др.].

Однако часть отечественных авторов сосредотачивается преимущественно на внутренних противоречиях российского общества, для которых разногласия общемирового характера служат лишь фоном и влияющим на форму их проявления фактором. Одна линия исследования этих противоречий связана с политологическим анализом и подразумевает внимание прежде всего к антагонизмам, связанным с борьбой за власть (столкновение интересов различных групп политической элиты, разногласия политической и экономической элиты и т. п.). Примером авторов, работающих в русле этой традиции, является С. Е. Кургинян [15].

Другая линия анализа представлена в основном социологами и связана с анализом восприятия противоречий российского общества населением страны в целом или отдельными его группами [16; 17; 18 и др.]. В русле этого направления лежит и ряд опросов, проводящихся ВЦИОМом, ФОМом и т. п. Однако в ходе их исследований отечественными социологами не был пока проведён комплексный анализ восприятия противоречий российского общества в массовом сознании с учётом как определяющих это восприятие факторов, так и его динамики. Более того – даже единого консенсусного списка наиболее важных для российского социума противоречий всё ещё не существует.

Тем не менее, из приведённого выше обзора литературы понятно, что в числе ключевых противоречий всех современных обществ обычно фигурируют разногласия между сторонниками и противниками глобализации по западной модели, работниками и работодателями, сторонниками различных идейных воззрений, властью и обществом, чиновниками и рядовыми гражданами, представителями разных поколений, членами тех или иных элитных групп, представителями различных конфессий, местными и приезжими и т. д. От этого многообразия рассматриваемых в научном дискурсе противоречий мы и отталкивались в своём анализе.

Эмпирической базой его послужили данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого Мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства [18, с. 9–10]. В нашем исследовании использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г. (N=4000), мае 2017 г. (N=4000), марте 2021 г. (N=2000) и марте 2022 г. (N=2000). Однако за основу анализа был принят 2021 г. (N=2000): в этот момент уже начала спадать напряжённость, вызванная пандемией коронавируса, но ещё не начала оказывать своё влияние проблематика, связанная с СВО на Украине и фактическим началом войны с «коллективным Западом». Таким образом, данные этого года в наибольшей степени позволяют проанализировать «фоновое» восприятие россиянами наиболее болезненных для российского общества противоречий, характерное для относительно спокойного периода его развития. Наряду с данными Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН при анализе использовались также данные исследования «Собственность в жизни россиян: доммыслы и реальность» (апрель 2005 г., N=1750), репрезентировавшего население страны по территориально-экономическим районам в соответствии с районированием ФСГС РФ, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства.

Отношение населения страны к наличию острых социальных противоречий в российском обществе

Большинство респондентов ощущают наличие в российском обществе острых противоречий – только 17% представителей массовых слоёв считали весной 2021 г., что никаких острых разногласий в нём нет, и это довольно типичный показатель для относительно спокойных периодов развития российского социума – в 2017 г., например, он составлял 16%. Обострение ситуации в обществе, независимо от причин этого обострения, приводит к снижению доли не видящих в нём никаких противоречий (весной 2022 г., например, после начала

СВО на Украине, эта доля сократилась почти вдвое). При этом даже в относительно спокойное время представители массовых слоёв видят обычно не одно, а сразу несколько противоречий, которые они оценивают как острые и болезненные. Об этом говорит, в частности, то, что в списке наиболее острых противоречий, который в разных опросах 2005–2022 гг. насчитывал от 15 до 19 позиций (из них респондентам надо было выбрать не более трёх¹) модальным всегда был выбор всех трёх возможных ответов.

Оценки российского общества как такого, в котором острые противоречия отсутствуют, имеют довольно чёткую специфику локализации. Во-первых, их чаще можно встретить среди и объективно, и субъективно экономически благополучных на общем фоне групп – включённых в способные оказать им разные виды поддержки помимо хозяйственно-бытовой помощи социальные сети (21% у тех, чьи сети могут оказать им не менее 5 видов такой поддержки), имеющих среднедушевые доходы более 2 медиан характерных для их типов поселений доходов (20%) и т. п. Тем не менее, даже в этих относительно благополучных в экономическом плане группах доля считающих, что в России нет острых межгрупповых противоречий, составляла в 2021 г. менее четверти. С другой стороны, экономическое неблагополучие понижает вероятность ответа об отсутствии в российском обществе острых противоречий. Так, среди имеющих 2 и более вида долговой нагрузки об этом говорили тогда лишь 11%, среди считающих себя малообеспеченными – 12% и т. д.

Во-вторых, отношение к наличию в российском обществе острых противоречий сильно различается в территориально-поселенческом разрезе. И хотя выборка опросов, на которые мы опирались в своём анализе, не является репрезентативной для регионов, однако более чем 10-кратные перепады в доле не видящих в российском обществе острых противоречий в тех или иных из них говорят сами за себя. Отчётливо заметна (и с годами усиливается) болезненность восприятия данной проблематики, в частности, в Москве и Санкт-Петербурге, где об отсутствии острых противоречий в обществе весной 2021 г. говорили лишь 9% населения.

В-третьих, отношение к вопросу о наличии в российском обществе острых противоречий связано с общим психологическим настроем человека. Так, среди живущих с доминированием позитивных чувств в их повседневном настрое россиян более 20% (при 11% у живущих с доминированием негативного психологического фона) были убеждены в отсутствии таких противоречий между любыми группами российского социума. Учитывая это, естественно, что младшая возрастная группа молодёжи, которая традиционно характеризуется

¹ Вопрос задавался в следующей форме: «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?» и допускал в том числе ответ «Никаких острых противоречий нет».

повышенным жизненным оптимизмом, наиболее позитивно настроена и в этом отношении – среди молодёжи до 25 лет включительно считали, что в российском обществе нет острых межгрупповых противоречий, 24%, в то время как среди перешагнувших 65-летний рубеж – лишь 13%.

Однако сильнее всего на ощущение отсутствия в стране острых межгрупповых противоречий влияют факторы, связанные с особенностями нормативно-ценностных систем россиян, и это четвёртый блок характеристик, влияющих на распространённость среди них такого рода оценок. Так, например, об отсутствии в российском обществе острых противоречий очень редко (лишь в 9% случаев) говорили ориентирующиеся на приоритетность прав человека в сравнении с интересами государства. Определение сравнительной статистической значимости связи мнения, что в российском обществе есть острые противоречия, с более чем 600 переменными массива, проводившееся с помощью программы Chaid¹, также показало, что в наибольшей степени наличие этого мнения связано именно с разного рода мировоззренческими особенностями человека, в частности с восприятием происходящего вокруг него как несправедливого, а также с недоверием к разного рода структурам и институтам государственной власти.

Более того – вопрос о доверии, и не только к государственной власти, является своего рода водоразделом для видящих и не видящих в современном российском обществе острые противоречия. Так, 70% отмечающих эти противоречия считали весной 2021 г., что для российского общества в последние годы характерен рост в нём недоверия, в то время как свыше половины (53%) утверждающих, что никаких острых противоречий в российском обществе нет, были с этим утверждением не согласны. При этом речь для них шла о росте недоверия не только к тем, кто принимает судьбоносные для страны или их региона решения, но и к судебной системе, официально распространяемой информации и даже государственным медицинским учреждениям, т. е. об уровне институционального доверия в целом.

Кроме того, убеждённые в наличии такого рода противоречий в 1,5–2 раза чаще говорили о росте в последние годы социальной напряжённости в российском обществе (53% против 34% у считающих, что острых противоречий в российском обществе нет), своём регионе (45% против 27%), городе или селе (40% против 20%). Почти вдвое различалась у них и доля тех, кто считал, что путь, которым идёт Россия, тупиковый (48% и 28%). Такие оценки дополнялись спецификой понимания собственных возможностей для реализации в сложившихся ус-

¹Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) является одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы.

ловиях своих жизненных устремлений: свыше половины (53%) считающих, что в российском обществе нет острых противоречий, говорили о том, что у них нет никаких значимых нереализованных стремлений, в то время как видящие антагонизмы респонденты более чем в половине случаев (51%) были убеждены, что реализовать свои стремления им мешают разного рода внешние факторы, причём почти две трети этой группы (31% всех опрошенных) ссылались на то, что осуществить их жизненные планы в России в принципе невозможно.

Таким образом, на отношении россиян к вопросу о наличии в российском обществе острых противоречий сказываются и объективные, и субъективные их характеристики. Это говорит о сложной природе данного феномена, тесно связанного как с мировоззрением человека (его общим отношением к реализуемому пути развития России, институтам власти и т. п.), так и с его социально-экономическим благополучием. При этом мировоззренческие и социально-экономические факторы могут действовать подчас в противоположных направлениях.

Сравнительная значимость различных социальных противоречий в восприятии россиян и её факторы

Не менее важным, чем вопрос об отношении россиян к самому факту наличия острых противоречий в российском обществе, является и вопрос о том, какие же антагонизмы воспринимаются ими наиболее драматично. Как свидетельствуют данные, чаще всего среди самых острых противоречий российского общества на протяжении последних 17 лет респонденты называют расхождения между богатыми и бедными. Второе место столь же устойчиво занимает противоречие между властью и народом. На третьем месте обычно разногласия между чиновниками и обращающимися к ним гражданами (рис. 1). В целом устойчив и общий рейтинг наиболее острых социальных противоречий в восприятии массовых слоёв населения страны.

Видны из данных рисунка 1 и факторы, влиявшие на динамику оценок россиян. Среди них, например, обострение ситуации на рынке труда в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг., спровоцированного первой волной западных санкций после «Крымской весны», которое вызвало рост значимости всех противоречий, связанных с занятостью. Впоследствии, по мере стабилизации экономической ситуации, наблюдалось уменьшение остроты противоречий этой группы. Ещё один очевидный фактор динамики восприятия населением страны противоречий российского социума – консолидация широких слоёв общества в условиях начавшегося противостояния страны «коллективному Западу», вызвавшая снижение роли межэтнических и поколенческих противоречий.

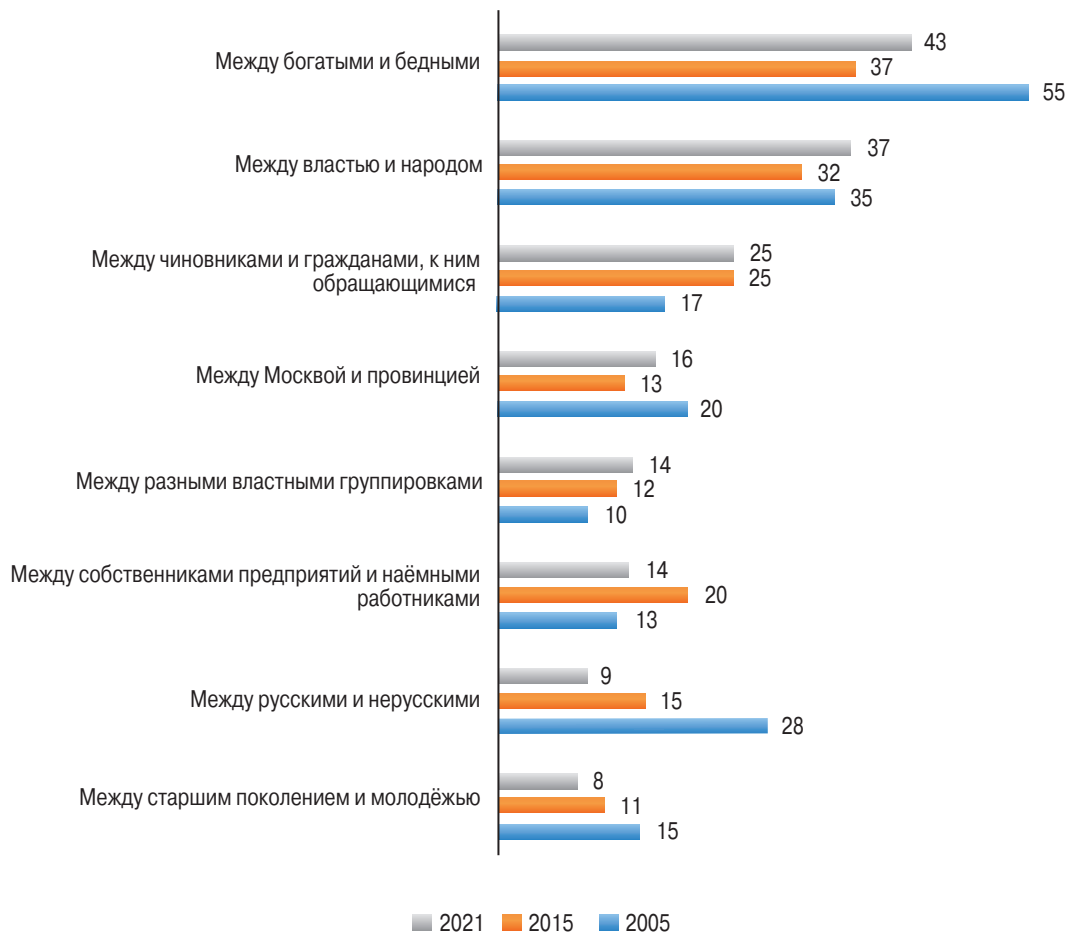

Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2005–2021 гг., %¹

На рисунке 1 хорошо просматривается и устойчивая конфликтность для массового сознания интересов рядовых россиян и представителей так называемого «правлящего класса», причём как в его распоряжающейся политическим ресурсом ипостаси, так и в отношении сконцентрировавшей у себя основные экономические ресурсы «верхушки» общества. Эта конфликтность воспринимается как одно из наиболее острых противоречий российского социума почти двумя третями (63%, в том числе 18% назвали оба этих противоречия) населения. И хотя в «пики» консолидации общества из-за усиления внешних угроз данный антагонизм слегка ослабевает (так было и в 2015 г., и в 2022 г.), однако противоречия между богатыми и бедными, а также между властью и народом всё равно с большим отрывом лидируют по сравнению со всеми остальными. При этом отношение россиян к противоречию между богатыми и бедными не

¹ По части противоречий, обычно набравших менее 10% ответов (между местными и приезжими, людьми разных политических убеждений, руководителями и подчинёнными, демократами и противниками демократии, православными и мусульманами, рабочим классом и средним классом и т. д.), данные на рисунке не приведены.

влияет на их отношение к Президенту страны – даже среди называющих этот антагонизм в числе наиболее острых большинство (61% при 64% среди не называющих это противоречие) руководителю государства доверяют. В то же время среди говорящих об остроте противоречия между властью и народом таких в 1,5 раза меньше.

Главный вывод, который можно сделать из эмпирических данных, заключается в том, что с конца 2000-х гг. происходит консолидация широких слоёв российского общества, в ходе которой теряет значимость принадлежность к большинству ранее дифференцировавших население страны в его собственном восприятии оснований – этнических, конфессиональных, поколенческих и т. п. При этом остаётся очень незначительной распространённость восприятия как острых противоречий между руководителями и подчинёнными, сторонниками разных политических убеждений (во всех их вариантах кроме противоположности взглядов сторонников западно ориентированного и самобытного пути развития России), представителями рабочего и среднего классов или бюджетниками и работниками частных форм.

На фоне массовой консолидации общества в последние годы особенно бросается в глаза сохранение (хотя и не увеличение) остроты противоречий между богатыми и бедными, а также властью и народом как самых острых для современной России в восприятии самих россиян. Противостояние широких слоёв российского общества и «правлящего класса» в разных его ипостасях сопровождается стабильностью недовольства населения характером взаимодействия рядовых граждан с государственным аппаратом, предстающим перед ними в виде отдельных чиновников. Несмотря на все усилия власти по снижению забюрократизированности решения различных вопросов для населения, улучшению механизмов взаимодействия граждан и занимающихся их проблемами чиновников, уровень напряжённости в этой сфере общественных отношений не спадает.

Более того, государственные чиновники – единственная массовая социальная группа, которая, по мнению россиян, скорее препятствует, чем способствует развитию страны. Так, в ходе опроса в марте 2022 г. 57% респондентов сказали, что чиновники препятствуют развитию России, и лишь 42% сочли, что они ему способствуют. В то же время в отношении рабочих, крестьян, среднего класса, предпринимателей, молодёжи, военных, руководителей предприятий и фирм не менее 80% опрошенных говорили о том, что соответствующие социальные группы содействуют развитию страны. Динамика этих показателей также свидетельствует о том, что с середины 2010-х гг. российский социум стал более консолидированным в своём мнении относительно позитивной роли практически всех этих социальных групп в развитии страны (18, с. 129–131).

Отдельно надо подчеркнуть, что противоречия между «властью и народом» и «чиновниками и обращающимися к ним гражданами» – разные по смыслу противоречия, о которых говорят разные люди и под влиянием разных факторов. Лишь в 22% случаев те, кто выбирал одно из

этих противоречий, называли в 2021 г. и второе из них в числе наиболее острых для российского общества. И хотя связь между ними была статистически значима¹, однако показатель коэффициента Спирмена для неё составлял всего 0,088. При этом если более болезненным восприятием противоречия между властью и народом характеризовались в первую очередь оценивавшие своё материальное положение как плохое (46% при 32% среди оценивающих его как хорошее) и часто испытывавшие чувство несправедливости всего происходящего (46% против 30% у никогда его не испытывавших²), то конфликт чиновников и обращающихся к ним граждан характеризовал прежде всего картину мира жителей Московской агломерации и Санкт-Петербурга, среди которых его включали в число наиболее острых 48% при 25% по массиву в целом. Таким образом, восприятие противоречия между властью и народом связано прежде всего с ощущением несправедливости сложившихся в России «правил игры». В то же время неудовлетворённость взаимодействием чиновников и граждан не имеет жёстко выраженной мировоззренческой привязки и связана скорее с местом жительства. Не случайно институциональное недоверие в этом случае ярче проявляется в отношении местной власти (72% говорящих о значимости противоречия между чиновниками и обращающимися к ним гражданами не доверяли местным органам власти и только 43% из них не доверяли Президенту страны).

С учётом большого числа рассматривавшихся в анализе противоречий и естественного стремления укрупнить их для целей анализа, нужно отдельно отметить, что не только разногласия между властью и народом и между чиновниками и обращающимися к ним гражданами, но и остальные противоречия оказались мало связаны между собой. Так, не было ни одной пары противоречий, для связи которых коэффициент Спирмена достигал хотя бы 0,1. Попытки использовать кластерный анализ также не дали никакого эвристически значимого результата. Что же касается факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс с нормализацией Кайзера; процент совокупной объяснённой дисперсии равен 50,187), то он продемонстрировал наличие связи в общественном сознании между противоречиями: 1) между богатыми и бедными и между собственниками предприятий и наёмными работниками; 2) между демократами и противниками демократии и между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития; 3) между местными и приезжими и между русскими и нерусскими; 4) между Москвой и провинцией и между православными и мусульманами; 5) между старшим поколением и молодёжью и между руководителями и подчинёнными. Однако во всех этих случаях связь была очень слабой³. Не случайно даже в отношении противоречий «богатые / бедные» и «собственники /

¹ Статистическая значимость связей, о которых идёт речь в статье, проверялась с помощью коэффициента Спирмена и хи-квадрата.

² Допускались также ответы «иногда» и «практически никогда».

³ Коэффициент Спирмена составлял соответственно 0,096; 0,093; 0,063; 0,052 и 0,036.

наёмные работники», для которых показатели этой связи были максимальны, лишь 15% из выбравших хотя бы одно из них называли в числе наиболее острых противоречий российского общества также и второе. Это означает, что методически каждое из противоречий целесообразнее было рассматривать с точки зрения факторов их восприятия населением и локализации их в общественном сознании по отдельности.

Не останавливаясь в силу ограниченности объёма статьи на характеристике каждого из этих противоречий (см. об этом [19]), кратко охарактеризуем лишь два из них, имеющих особое значение в настоящий момент. Одно – это традиционно наиболее популярное в массовом сознании противоречие между богатыми и бедными, а второе – резко актуализировавшееся с началом СВО на Украине противоречие между сторонниками западно ориентированного или самобытного российского пути развития.

Что касается противоречия между богатыми и бедными, то отношение к нему связано прежде всего с двумя в свою очередь тесно связанными между собой характеристиками – возрастом и субъективным ощущением собственного благополучия или неблагополучия. Так, если в среднем по массиву доля выбравших это противоречие в числе основных для российского общества составила 43%, то среди россиян старше 65 лет она достигала 50% при 32% у молодёжи до 25 лет включительно. Что же касается влияния фактора материального благополучия, то среди ожидавших его ухудшения в ближайший год доля называвших противоречие между богатыми и бедными среди наиболее острых для российского общества доходила до 52% (при 33% среди ожидавших его улучшения). Среди оценивших своё материальное положение как плохое соответствующий показатель также превышал 50% (при 38% у назвавших своё материальное положение хорошим), как и среди относивших себя к малообеспеченным (при 33% у считавших себя высокообеспеченными). Реальный уровень доходов сказывался на дифференциации восприятия противоречия между бедными и богатыми в меньшей степени – среди тех, чьи среднедушевые доходы составляли не более 0,75 медиан для их типов поселений, его называли в числе наиболее острых менее половины (46% при 33% среди тех, чьи доходы превышали 2 медианы).

Однако наиболее интересна не естественная связь восприятия конфликта между богатыми и бедными с социально-экономическим неблагополучием, а то, что даже среди благополучных в социально-экономическом отношении групп россиян об остроте этого противоречия говорит около трети их членов. Это свидетельствует о высокой степени недовольства даже благополучных групп населения глубиной дифференциации доходов в российском обществе, связанного с тем, что она противоречит представлениям о справедливости, характерным для национальной культуры [20]. Не случайно среди тех, кто хотел бы видеть Россию страной, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение, 58% упоминали противоречие между бедными и богатыми как одно из трёх острейших для российского социума,

а среди не включивших эту характеристику в число трёх наиболее значимых для желаемого будущего нашей страны, таких было лишь 39%.

Что же касается противоречия между сторонниками западного и самостоятельного российского пути развития, то наиболее значимым для его видения как одного из наиболее острых в современной России весь период наблюдений являлись мировоззренческие различия. Причём как одно из самых актуальных для российского общества это противоречие ощущали отнюдь не сторонники западного пути развития для России, а приверженцы её самостоятельного пути развития. Так, среди выбравших национальную уникальность в качестве идеи, которая могла бы сплотить россиян во имя общих целей, 13% говорили в 2021 г. об остроте противоречия между западниками и сторонниками самобытного пути развития России (среди выбравших более жёсткую форму той же идеи, а именно – прямого противостояния Западу и опоры на собственные силы, таковых было 10%). В то же время отдавшие предпочтение идее сближения с Западом лишь в 3% случаев считали, что противоречие между западниками и сторонниками самобытного пути развития России относится в нашей стране к числу наиболее острых. Эта картина практически не изменилась и весной 2022 г.

Выводы

Как свидетельствуют эмпирические данные, противоречия, связанные с процессом глобализации, не находят прямого отклика в массовом сознании россиян, а предстают перед ними скорее в виде неприемлемости действий прозападной части отечественных элит, нарушающих характерные для национальной культуры представления о справедливости¹. Эта несправедливость проявляется для массового сознания не только в неоправданной глубине неравенств у богатых и бедных, но и в деятельности многих чиновников, мешающей реализовать законные права граждан и препятствующей, по мнению большинства представителей массовых слоёв, успешному развитию России, или в попытках этой части элит вести страну «не тем путём».

Не очень остры в России, в отличие от многих других стран, и противоречия, связанные с рынком труда. Отчасти это связано, видимо, с низким уровнем безработицы в нашей стране, отчасти – с успешной деятельностью правительства (увеличением МРОТ и т. п.), а отчасти – с идущей ещё с советских времен традицией восприятия всех работающих по найму как некоего единого «Мы». В итоге значимыми из противоречий этой группы для россиян оказываются только разногласия между собственниками предприятий и наёмными работниками (перекликающиеся в их сознании с антагонизмом между богатыми и бедными), в то время как

¹ Не случайно около 80% опрошенных чувствовали весной 2021 г. несправедливость всего происходящего вокруг, а в 2022 г. лишь 11% сказали, что ситуация со справедливостью в стране улучшилась.

противоречия между руководителями и подчинёнными или между разными группами рядовых наёмных работников воспринимаются ими как относительно малозначимые. Однако экономические кризисы и попытки работодателей переложить тяжесть этих кризисов на рядовых работников ведут к росту остроты всех противоречий, связанных с занятостью.

Малозначимы для россиян сейчас и другие типы межгрупповых противоречий, характерных для современных обществ, в том числе межэтнические противоречия, противоречия между поколениями, идеологические противоречия и т. д. Более того, роль межэтнических и поколенческих противоречий в последние десятилетия заметно снизилась, что говорит о консолидации массовых слоёв общества под влиянием усиления конфронтации с «коллективным Западом». Что же касается идеологических противоречий, то, за исключением отношения к Западу, их деконсолидирующая роль для массовых слоёв российского общества была и остаётся очень небольшой. При этом даже обострение отношений с Западом после начала СВО на Украине не привело к попаданию противоречия между сторонниками и противниками прозападного пути развития для нашей страны в тройку лидеров рейтинга наиболее острых для российского социума противоречий, хотя и увеличило примерно вдвое долю называвших его в числе наиболее острых.

На фоне консолидации массовых слоёв населения страны устойчиво сохраняют своё лидерство и значимость противоречия между богатыми и бедными, а также властью и народом. Именно эти, отражающие противостояние широких слоёв российского общества и «правлящего класса» противоречия воспринимаются основной массой россиян как самые актуальные для современной России. «Подпитывает» их остроту и то, что, несмотря на усилия власти по снижению забюрократизированности взаимодействия чиновников с населением, недовольство общества характером этого взаимодействия не снижается. И хотя неравенства между массовыми слоями общества и его «верхушкой», а также между гражданами и забюрократизированным госаппаратом являются общими особенностями современных обществ, в России они отличаются избыточной глубиной, а также резко выделяются на фоне других противоречий за счёт сравнительно меньшей остроты последних.

При этом есть довольно значительная часть представителей массовых слоёв (8–17% в разные периоды развития страны в 2005–2022 гг.), считающих, что в российском обществе вообще нет никаких острых противоречий. Эти оценки относительно чаще встречаются у представителей как объективно, так и субъективно экономически благополучных на общем фоне групп, а также среди характеризующихся доминированием позитивного психологического настроения россиян, прежде всего молодёжи. Снижает болезненность восприятия социальных противоречий и проживание в сёлах (при том, что жизнь в двух крупнейших мегаполисах страны и некоторых других регионах, напротив, её повышает). При этом такие мировоззренческие характеристики, как недоверие к разного

рода структурам и институтам государственной власти, оценка происходящего вокруг них как несправедливого и т. д., влияют на отношение населения к ситуации с межгрупповыми противоречиями в российском обществе даже сильнее, чем их собственное экономическое благополучие.

Таким образом, на отношении населения к проблеме противоречий российского общества сказываются как объективные, так и, в ещё большей степени, субъективные характеристики, и прежде всего – отношение к несправедливости сложившихся в обществе «правил игры». Тесно связано восприятие этих противоречий и с недоверием к большинству институтов власти. Тем не менее, несмотря на это недоверие, происходящее в последние годы переосмысление российским обществом места страны в геополитическом пространстве с одновременным резким усилением конфронтации с «коллективным Западом», даже несмотря на падение в этот период уровня реальных доходов населения, приводит к консолидации основной части массовых слоёв, «всплески» которой приходится на периоды усиления этой конфронтации. Однако даже в периоды максимальной консолидации большинство россиян воспринимают расхождения интересов массовых слоёв общества, с одной стороны, и его экономической и политической «верхушки», с другой, как острейшие противоречия российского социума, значимость которых для них с годами остаётся практически неизменной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN 5-7598-0069-8.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн ; пер. Н. Тюкиной. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с. ISBN 5-91129-028-6. EDN **QOGBGV**.
3. *Dal Bó E., Dal Bó P.* Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Brown University Economics Working Paper. № 2004-10. P. 31. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=594562 (дата обращения: 25.01.2023).
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну : монография / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.
5. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996. 368 p.
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель ; пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2.
7. *Стэндинг Г.* Прекариат. Новый опасный класс / Г. Стэндинг ; пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
8. *Hertel F., Schöneck N.* Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs // Acta Sociologica. 2019. Vol. 65, № 3. P. 1–19. DOI **10.1177/0001699319847515**.

9. *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000. 304 с. ISBN 5-94010-003-1. EDN [QSIQPB](#).
10. Мир на взводе: пружина разжимается / Под ред. Ф. А. Лукьянова. М. : Эксмо, 2015. 384 с. ISBN 978-5-699-84382-4. EDN [UODLCT](#).
11. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI [10.31857/S013216250003744-1](#). EDN [ZAKHZZ](#).
12. *Морогин В. Г.* Ценностно-потребностный анализ идентификации и идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 1–2. С. 14–30. EDN [UOHADZ](#).
13. *Миллер А. И., Лукьянов Ф. А.* Отстранённость вместо конфронтации // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14, № 6. С. 8–27. EDN [XAEHAL](#).
14. *Никонов В. А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М. : Издательство «Эксмо», 2015. 672 с. ISBN 978-5-699-83183-8.
15. *Кургинян С. Е.* Качели. Конфликт элит – или развал России? М. : ЭТЦ, 2008. 772 с. ISBN 978-5-7018-0512-3. EDN [QOINCH](#).
16. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. Г. Бызов [и др.] ; отв. ред. : М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Весь мир, 2016. 424 с. ISBN 978-5-7777-0630-0. EDN [WEWCVD](#).
17. Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь мир», 2014. 304 с. ISBN 978-5-7777-0575-4. EDN [SXPYHR](#).
18. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](#). EDN [GJITZD](#).
19. *Дудин И. В.* Представления населения страны об основных социальных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 2. (в печати).
20. *Мареева С. В.* Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 3, № 3 (26). С. 101–120. DOI [10.19181/vis.2018.26.3.527](#). EDN [YWAGXR](#).

Сведения об авторах

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [71905](#)

И. В. Дудин

лаборант-исследователь с высшим образованием

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1)

THE MAIN CONTRADICTIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE PERCEPTION OF THE COUNTRY'S POPULATION: COMPARATIVE SIGNIFICANCE, DYNAMICS, FACTORS

Natalia Evgen'evna Tikhonova¹

Ilya Vasil'evich Dudin²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID [0000-0002-5826-4418](https://orcid.org/0000-0002-5826-4418)

² dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958)

For citation: Tikhonova N. E., Dudin I. V. The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):6–24. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1).

Abstract. Using research data of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS for 2005–2022 the article demonstrates the peculiarities of the perception by representatives of the mass strata of the country's population of the most acute contradictions of the Russian society; the factors determining this perception are revealed. The dynamics of the attitude of Russians to the key social contradictions discussed in the relevant scientific discourse is considered. It is shown that the contradictions between the rich and the poor, as well as the authorities and the people, were most acutely perceived among the representatives of the mass strata during the entire period under review. Russians mainly viewed state officials as a group that hinders the successful development of the country, although this perception of them strongly depended on the place of residence of the respondents. Russians were usually quite indifferent to the contradiction between Russia's inclusion in the processes of globalisation according to the model proposed by the West and the orientation towards preserving the identity and independence of the country, although "bursts" of aggravation of relations with the West caused an increase in the significance of this contradiction in the public consciousness. The factors of perception of the contradictions of the Russian society by the population are both objective and subjective. Among the former, the most important are social and material well-being in their various forms, and among the latter, the feeling of injustice of what is happening and subjective material distress. Rethinking in recent years of the country's place in the geopolitical space leads to an increase in the consolidation of mass strata, the "peaks" of which fall on periods of increased confrontation with the West. This trend continues despite the decline since the mid-2010s in the level of real incomes of the population, however, it does not reduce the acuteness of the confrontation, in the minds of the population, of the mass strata of society, on the one hand, and its economic and political "top", on the other.

Keywords: social contradictions, consolidation of society, mass consciousness, intergroup conflicts, social tension

REFERENCES

1. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Translated and edited by O. I. Shkaratan. Moscow: SU HSE; 2000. 608 p. (In Russ.). ISBN 5-7598-0069-8.
2. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Translated by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchegol; 2006. 248 p. (In Russ.). ISBN 5-91129-028-6.
3. Dal Bó E., Dal Bó P. *Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium.*, Brown University, Department of Economics Working Paper. No. 2004-10. P. 31; 2004. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=594562 (accessed: 25.01.2023).
4. Beck U. *Risk Society: On the way to another modern*. Transl. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progres Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
5. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon & Schuster; 1996. 368 p.
6. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence*. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-144-2.
7. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 328 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-209-8.
8. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*. 2019;65(3):1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
9. Inozemtsev V. L. *Modern Post-Industrial Society: Nature, Contradictions, and Prospects*. Moscow: Logos; 2000. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-94010-003-1.
10. Loukianov F. A. (ed.). *The world is up tight: the spring is unwinding*. [Mir na vzvode: pruzhina razzhimaetsya]. Moscow: Eksmo; 2015. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-84382-4.
11. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Social structure transformation of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class? *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2019;(1):18–28. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250003744-1](https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1).
12. Morogin V. G. Values and Needs Analysis of Identification and Identity. *Vestnik po pedagogike i psixologii Yuzhnoj Sibiri=Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*. 2013;(1–2):14–30. (In Russ.).
13. Miller A. I., Loukianov F. A. Detachment instead of Confrontation. *Rossiya v global'noj politike=Russia in Global Politics*. 2016;14(6):8–27. (In Russ.).
14. Nikonov V. A. The code of civilization. What awaits Russia in the future? [Kod civilizacii. Chto zhdet Rossiyu v budushhem?]. Moscow: E`ksmo. 2015; 672 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-83183-8.
15. Kurginyan S. Y. Swings. Conflict of the Elites or the Collapse of Russia? [Kacheli. Konflikt elit ili razval Rossii?]. Moscow: ETC; 2008. 772 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7018-0512-3.
16. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). *Russian Society and the Challenges of Time*. Book Three [Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni]. Moscow: Ves Mir; 2016. 424 p. (In Russ.). ISBN 978-57777-0630-0.

17. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). Poverty and the Poor in Modern Russia [Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii]. Moscow: Ves Mir; 2014. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0575-4.
18. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). Russian Society and the Challenges of Time. Book Six. [Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni]. Moscow: Ves Mir; 2022. 284 p. (In Russ.). ISBN 978-57777-0898-4.
19. Dudin I. V. Public perceptions of the main social contradictions in Russian society [Predstavleniya naseleniya strany ob osnovnyh social'nyh protivorechiyah rossijskogo sociuma]. *Social'noe prostranstvo=Social space*. 2023;9(2):[in print]. (In Russ.).
20. Mareeva S. V. Social inequalities and social structure in modern Russia as perceived by the population. *Vestnik Instituta sociologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018;3(26):101–120. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2018.26.3.527](https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527).

Information about the Authors

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: [G-8413-2015](https://orcid.org/0009-0001-8413-2015)

Scopus AuthorID: [7006789882](https://orcid.org/0009-0001-8413-2015)

I. V. Dudin

Senior Laboratory Assistant

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-2162-2022)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 11.05.2023.